

Если бы в обычное время Чжэнь Цюнь, одетый как даосский ученик, так смотрел на людей — это ещё ладно. Но сейчас его одежда была в беспорядке, черные волосы спадали набок, румянец на лице ещё не сошел, а миндалевидные глаза были широко распахнуты. Хань Мяо дернул горлом, внезапно почувствовав неладное: даже прядь черных волос в руке казалась обжигающей.

Прокашлявшись, он как ни в чем не бывало отпустил длинные волосы, поставил курильницу на стол, налил чашку чая и протянул Чжэнь Цюнь, после чего улыбнулся:

— Это легко сказать. Завтра перепишу и принесу тебе.

— Только не забудь!

Волосы — дело слишком важное, Чжэнь Цюнь относился к этому очень серьезно. Напомнив, он залпом осушил чай в чашке и почувствовал, что наконец-то пришел в себя. Видя, что Хань Мяо улыбается по-прежнему красиво, но выражение лица осталось обычным, он решил, что, вероятно, перестарался с фантазиями. Вздохнув, он собрал полувывсохшие волосы в даосский пучок, затем встал, нашел флакончик с глицерином и нанес его на руки. Зимой тылы его рук легко трескались, а теперь, когда глицерин имелся, его стоило использовать почаще.

Хань Мяо, глядя на маленький флакончик в руке Чжэнь Цюня, вдруг ощутил знакомое оцепенение. Помолчав некоторое время, он наконец спросил:

— Этот черный стеклянный сосуд тоже недавно изготовлен?

Чжэнь Цюнь небрежно кивнул:

— Некоторые лекарства не выносят света и к тому же разъедают металл, поэтому хранить их лучше в такой посуде. Но пока я не вернулся в алхимическую лабораторию, временно наполняю глицерином.

Глицерин света не боится, но в фарфоровой шкатулке он выглядел не слишком эстетично, так что новым флаконом пришлось воспользоваться.

Закончил говорить, и только тут Чжэнь Цюнь заметил, что взгляд Хань Мяо стал странным. На редкость проявив смежку, он поднял флакончик:

— Хочешь немного для рук? Защищает от трещин.

Мазь для рук Хань Мяо не интересовала. Взяв флакончик, он внимательно рассмотрел его некоторое время и затем серьезно произнес:

— Брат, умеешь ли ты выдувать стекло других цветов? Если розовую воду разлить по цветным бутылкам, она, несомненно, станет лучше продаваться.

Только что тот помог ему вытереть волосы, а теперь сам просит. Чжэнь Цюнь стало неловко отказывать:

— Конечно умею. Желтый, зеленый, синий — все это можно получить с помощью железа. Добавь охру — станет черным, меди — красным, олова — белый. Изменение цвета в печи как раз моё любимое занятие.

Это была та область, где школы Металла и Камня и Воды и Огня пересекались чаще всего. В

свое время, чтобы не проиграть старшим ученикам других школ, он и старательно заучивал это, но там ведь требовалось лишь определить дозировку.

Услышав это, Хань Мяо сузил глаза, но на его лице появилась улыбка:

— Не думал, что в твоей школе учат подобному. Даосское искусство, и вправду, глубоко.

Чжэнь Цюн замер, вдруг вспомнив, что о своей школе рассказывать не стоит, и поспешил исправиться:

— Ха-ха, какая школа! Это я сам наугад придумал.

Видя, как этот маленький даос встревожен и явно лжет, Хань Мяо кивнул, не выдав чувств:

— Брат, ты одарен свыше, обычным людям не сравниться. Тогда попрошу тебя выдуть еще несколько ярких цветных стекол.

Чжэнь Цюн и так чувствовал вину, а в таком мелком деле как можно было отказать? Он тут же взял всё на себя.

Хань Мяо сказал, что хочет посмотреть на душ, и Чжэнь Цюн поспешил повести его в баню. Он даже не заметил, что взгляд человека позади стал глубоким и темным.

Автор имеет сказать:

Чжэнь-даос: Волосы too важны! QAQ

Хань Мяо: ...

В эпоху Сун существовали прототипы душевых установок. В «Записках о снах Восточной столицы» («Дунцзин Мэнхуа Лу») есть запись: «По обе стороны от Цветочной горы устраивали из шелка фигуры Манджушри и Самантабхадры, восседающих на льве и белом слоне; из пальцев каждой фигуры били пять струй воды, а руки двигались. С помощью ворота воду поднимали на вершину горы со светильниками, где в деревянном резервуаре её хранили, затем постепенно спускали вниз, подобно водопаду». Так что технология была не в диковинку, просто мыть голову в то время было хлопотно, и вряд ли кто-то хотел так купаться.

«Когда Чжэнь Цюну было десять лет, отец умер, а мать вышла замуж вторично. По всей видимости, в новой семье он был лишним, поэтому его отправили в небольшой храм в горах послушником. Позже, из-за плохого управления храмом, даосы разбрелись кто куда, и он вместе с шифу перебрался в храм Цзинъян в посёлке Тяньси. Не пробыв и года, он по приказу настоятеля отправился в храм Чанчунь...»

Дальнейшие события объяснений не требовали — его, естественно, забрали к себе домой. Хань Мяо немного помолчал, а затем спросил:

— Храм Цзинъян, разве это известное место?

— Нет, не известное, — слуга, ходивший разведывать, подумал и добавил. — Зато в последнее время начали продавать суп из тофу, который очень полюбился местным жителям.

Хань Мяо слегка кивнул и отпустил слугу. Когда в комнате никого не осталось, он тихо вздохнул — это дело, похоже, действительно было странным.

После возвращения с фабрики Хань Мяо отправил людей разузнать о прошлом Чжэнь Цюна. Какую тайну мог хранить деревенский даос? Всё выяснилось в два счёта. Его происхождение, храмы, в которых он жил — всё было ясно и понятно, никакой подмены быть не могло.

Но от этого странность лишь усиливалась. Белый сахар, цветочная вода — это ещё куда ни шло, способ изготовления прост, стоит найти ключ, и это не сложно. То, что Чжэнь Цюн сказал, что придумал это сам, неудивительно.

Но стекло — это другое. Это общеизвестный всем редкий предмет, где бы он ни находился, дешёв не бывает. Чжэнь Цюн никогда не занимался выплавкой стекла, только учился методу. Даже если бы он знал теорию, на практике руки были бы крайне неопытны. Но вопрос в том, если бы какой-то храм действительно владел таким секретом и даже разбирался в изменении цвета в печи, мог ли он обанкротиться из-за плохого управления или выживать за счёт продажи супа из тофу?

Он мог быть уверен: в храме Чанчунь таких методов нет. А два предыдущих места, где жил Чжэнь Цюн, тоже не походили на те, где могли создать стекло. Так откуда же ему известны эти вещи?

Алхимик невероятного мастерства, живущий в уединении в горах? Или, как в его лжи, чисто небесное дарование?

Эти две возможности крутились у него в голове, и мгновенно вызвали цепь ассоциаций. Не знаю почему, но Хань Мяо почувствовал, что он, забрав маленького даоса к себе домой, ничем не отличается от деревенского жителя, укравшего перьевую одежду и заставившего фею спуститься в мир смертных. Внезапно осознав, что эта мысль немного неадекватна, Хань Мяо покачал головой и горько усмехнулся. И правда, сокровище.

Если бы это случилось полгода назад, заметив он такое, возможно, предпринял бы какие-то действия. Но сейчас Хань Мяо не мог так поступить с Чжэнь Цюном. Этот маленький даос был наивен и чист, словно свежий снег или необработанный нефрит, совершенно не зная о подлостях мира и не понимая светских правил. Вместо того чтобы дать ему споткнуться и быть обманутым там, снаружи, лучше было бы хорошо содержать его дома, под своей защитой. Эти необычные для обычных людей способности лучше не показывать посторонним.

Но питать такие грязные мысли к такому человеку — действительно недопустимо. Неужели длительный траур сбил его с толку?

Хань Мяо тихо вздохнул и принял решение. Ладно, впредь стоит меньше обманывать его, отвлекая на мирские предметы, и меньше думать о способах заработка. Раз ему нравится даосский путь, пусть спокойно занимается плавкой пилюль. Что до остального — он сам всё вытянет.

Чжэнь Цюн и не подозревал о таких извилистых мыслях Хань Мяо. Создав красное, желтое, синее и зеленое стекла — самые распространенные цвета, — он отряхнул рукава и без сожаления покинул фабрику.

Исследование стекла за эти месяцы действительно принесло ему огромную пользу, и, по аналогии, он узнал немало приемов «школы Воды и Огня». Похоже, учитель в то время говорил не совсем правду, в «школе Воды и Огня» тоже есть свои секреты, и они весьма полезны для изучения металлов и камней. Теперь, когда за ним никто не следит, возможно, стоит попробовать и это впредь?

Однако к стеклу Чжэнь Цюн потерял интерес продолжать исследования. Не говоря уже о том, что эта тема слишком обширна и не совсем стыкуется с направлением его собственных изысканий, даже если бы он потратил всю жизнь на её изучение, разве получил бы что-то иное, чем то, что было создано людьми до него? Для его Великого Пути это было бесполезно. В любом случае, полный набор посуды для приготовления лекарств уже был собран, и в будущем можно было пополнять запасы в любое время — этот проект можно считать успешно завершённым.

Вернувшись в дом Ханя с охапкой стеклянной посуды, он, конечно же, должен был пойти и похвастаться перед господином Ханем. Возможно, эта куча цветного стекла действительно его развеселила, потому что Чжэнь Цюн обнаружил, что жить в особняке стало еще комфортнее. Не говоря уже об обычных материалах, даже если он просил золото, серебро или белую медь для очистки, Хань Мяо сразу же соглашался.

Ха, выходит, он смекалист: такой явно прибыльный проект — верное решение!

Задержавшись надолго без возможности нормально заниматься алхимией и видя, что Хань Мяо в последнее время тоже был занят и не просил его изучать розовую воду, Чжэнь Цун больше ни о чем не думал и с головой ушел в алхимическую лабораторию.

<http://bllate.org/book/16827/1547269>